

УДК 94(470)"1970-е":061

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-79-93

Ссылка для цитирования: *Неплюев П. А.* Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 79–93.

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ «ПО-СОВЕТСКИ». РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: «БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА ИГРЫ» И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АКТИВИЗМ¹

П. А. Неплюев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15;

Пермский краеведческий музей, 614000, Россия, Пермь, ул. Монастырская, 11

Peter.nplyueff@yandex.ru

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) было основано в 1965 г. и функционировало в позднесоветский период как массовая организация со своей бюрократической структурой, атрибутами, ритуалами, очерченной сферой деятельности и подчинением советским органам власти. Несмотря на зависимость от них, ВООПИК стало одной из тех советских организаций, где проявлялись зачатки историко-культурного активизма, позволяющего проводить параллели с западными практиками публичной истории. Сегодня публичная история понимается как область исторического знания, заявившая о себе и институционально сформировавшаяся в ряде зарубежных стран в 1970-е гг. (США, Великобритания, Австралия). Аналогичные процессы и практики в других странах и в другие периоды зачастую не рассматриваются исследователями. Между тем «поворот к истории», развертывание различных форм активности граждан и государства в сфере прошлого был характерен для 1960–1970-х гг. для многих стран. В статье, с одной стороны, анализируется деятельность массовой добровольной общественной организации по охране памятников истории и культуры в СССР с учетом современных трактовок феномена публичной истории. С другой – ставится вопрос о возможности вписать публичную историю в более длительный и масштабный контекст. Дается характеристика ВООПИК с точки зрения его институциональной специфики, некоторые формы активности этой общественной организации рассматриваются как публично-исторические практики, появившиеся задолго до институционализации движения public history в современной России. Особое внимание уделяется феномену «писем во власть» на примере обращений в ВООПИК как одному из проявлений историко-культурного активизма в СССР.

Ключевые слова: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), историко-культурный активизм, публичная история, советские добровольные массовые общества, «письма во власть».

Введение

Почти за пять десятилетий существования публичной истории сформировалось множество подходов к ее трактовке. Она и сегодня остается объектом горячих дискуссий [The Oxford Handbook of Public History, 2017; *Исаев*, 2016; Все в прошлом..., 2021; Handbook of Digital Public History, 2022 и др.].

Один из наиболее ярких представителей современной публичной истории, председатель Международной федерации публичной истории Тома Каван обращает внимание на то, что большая часть исследований об истоках public history направлена на изучение ситуации в западных странах, в первую очередь в США и Великобритании 1970-х гг. Это, в свою очередь, создает ошибочное представление о рождении практик публичной истории исключительно в

этих странах [Cauvin, 2018, p. 4]. Очень немногие публикации предлагают более широкий подход к изучению области публичной истории. Переключение на международную перспективу может помочь вписать публичную историю в более длительный и широкий контекст.

Можно ли обнаружить корни публично-исторических практик в тех странах, где не существовало институализированного движения публичной истории? В частности, корректно ли говорить о появлении в позднесоветский период публичного пространства, которое необходимо для существования таких практик публичной истории, как участие историков-непрофессионалов в сохранении исторического наследия и исторической памяти? Для ответа на этот вопрос в статье на основе архивных документов региональных и центральных архивов и устно-исторических свидетельств в сравнительном измерении анализируются позднесоветские формы историко-культурного активизма на материалах деятельности региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК, общество) и близкого по целям, задачам, но с подчинением ВЛКСМ Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы. Внимание в данной статье сосредоточено на институциональных аспектах региональных отделений ВООПИК (на примере Пермского и Челябинского отделений), а также на проявлениях низового историко-культурного активизма посредством «писем во власть», под которыми в данном случае понимаются письма, обращения советских граждан и организаций, направляемые руководству массового добровольного общества.

Дискуссии о публичной истории в исторической науке

Споры о том, что же такое публичная история, возникают буквально сразу. У этой области исторического знания не существует ни единого понимания целей и задач, ни общего определения, ни даже какой-то четко обозначенной сферы деятельности. В тех случаях, когда определения все-таки даются, они зачастую опираются на опыт стран, где публичная история возникла: в США и Великобритании. Это, конечно же, вовсе не означает корректность подобных определений в других странах и в других временных рамках.

Эти неустойчивость и неопределенность public history зачастую становятся предметом недовольства среди многих академических историков. Для них публичная история должна быть обозначена как «изучение истории вне академии» или «работы тех, кто не выбирает историческую проблему» [The Oxford Handbook of Public History, 2017, p. 2–5].

Стоит отметить, что подобные дефиниции давались еще на рубеже XIX–XX вв. американскими историками Бенджамином Шамбо, Франклином Джеймисоном и Гербертом Фринденвальдом т.н. прикладной истории [Conard, 2013, p. 10]. В наши дни эти определения не могут в полной мере отразить диверсифицированную сферу public history, которая включает в себя работу университетов, архивов, музеев и других научных и культурных институций по популяризации истории. Само сравнение публичной и прикладной истории XX в. упрощает и ограничивает взаимодействие внутри сферы публичной истории. Сегодня быть публичным историком вовсе не означает работу вне академических кругов: адепты public history могут работать вне академии (в музеях, архивах и т.д.), но при этом сотрудничать с историками-профессионалами в разных публичных проектах. Академические же историки в последние десятилетия регулярно работают в публичном поле. Многие видят в публичной истории источник заработка, другие – хобби [Груде, 2012]. В некоторых случаях история для публичного историка – это вид политической деятельности через помощь разным социальным и национальным группам в изучении их истории или способ влияния на государство и его деятельность через повышение исторической грамотности населения [The Oxford Handbook of Public History, 2017, p. 1–3].

Ряд историков видят в публичной истории один из вариантов микроистории, «истории снизу», изучаемой локальными группами или сообществами. Само изучение своей локальной истории (в виде различных вариантов краеведения) заинтересованными гражданами стало мощной альтернативой трудам академических историков задолго до рождения public history [Grele, 1981, p. 40–48]. Так, в Швеции известный публицист Свен Линдквист определял этот непрофессиональный интерес тезисом «копай, где стоишь» [Линдквист, 2007]. Для изучения истории своего дома, двора, улицы, района и города необязательно было быть профессиональным историком [Акерманн и др., 2012].

В странах, где публичная история зарождается официально (США и Великобритания), ей предшествовали движения по изучению истории места, локальной истории, микроистории. Ин-

терес к локальной истории в Великобритании и США переживает рост с начала XIX в. Сегодня локальные исторические исследования в этих странах, выполняемые непрофессиональными историками – это давно устоявшаяся культурная традиция. Только на территории Великобритании в наши дни существует более 1200 обществ по изучению локальной истории [Wheeler, p. 467]. Особенно активно такие общества стали появляться в середине XX в., во многом в результате растущего социального недовольства эффектами, которые индустриализация оказывала на локальные сообщества. Ряд исследователей отмечает, что растущий интерес к локальной истории, желание подчеркнуть свои корни, принадлежность к месту стали ответом на ощущение угроз со стороны повышенной мобильности общества, компрессии времени и пространства, исчезновения связи с местом, которые все чаще становились нормой с середины XX в. [Там же].

В Российской империи, начиная со второй половины XIX в., изучение локальной истории было связано с появлением большого количества краеведческих кружков, движений, организаций. В СССР после принудительного перерыва в 1930–1950-е гг. интерес к краеведению достиг своего пика в 1960–1980-е гг., проявлением чего и стало создание в 1965 г. Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. Если мы говорим о локальной истории, то историк-профессионал – это не все знающий наставник, а, скорее, помощник, посредник, понимающий историческую специфику и помогающий изучать и понимать прошлое на локальном уровне.

Первыми определение public history дают американские историки в специализированном журнале *The Public Historian*, который выходит в США с 1978 г., маркируя дату официальной институализации феномена публичной истории. По версии авторов журнала, поле public history включает в себя исторические исследования и их презентацию, с некоторой степенью применения к современной жизни [The Oxford Handbook of Public History, 2017, p. 1–3]. Один из основателей американского направления публичной истории – Р. Келли – предлагал другой вариант определения: публичная история – это работа историка и использование исторических методов за пределами академии. Чтобы стать публичным, историк должен сделать свою профессиональную деятельность частью публичного процесса. При этом в ранних определениях публичной историей может заниматься только профессиональный историк, работающий в публичной сфере [Kelley, 1978, p. 16].

Британские историки смотрели на публичную историю иначе. Л. Йорданова обращала внимание на то, что публичная история – это метод или набор навыков, которые используются историками для взаимодействия между публичной версией истории (например, кино, телевидение и др.) и академией [Jordanova, 2000, p. 120].

Еще один британский историк, Д. Лиддингтон, говорила о двух сферах public history, каждая из которых со своим определением. Первая (широкая) сфера – это то, как история, прошлое представляются широкой публике через музейные коллекции, медиа, художественные произведения. Вторая (академическая) сфера – это исследование способов получения знания о прошлом и репрезентация прошлого в публичной сфере [Liddington, 2002, p. 85].

В Россию феномен публичной истории пришел на несколько десятилетий позднее. Впрочем, это не делает необходимость определить сферу публичной истории, ее черты и особенности в нашей стране менее острой. Одной из первых в России проблематику публичной истории освещает И. Савельева. В статье 2014 г. она отмечает множественность определений публичной истории, одно из которых звучит так: «совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой» [Савельева, 2014, с. 143]. На вопрос, кто же трудится в сфере публичной истории, Савельева отвечает следующим образом: при широком подходе публичной историей занимаются все, кто так или иначе выступает в СМИ по вопросам прошлого, занимается его экспертными оценками, а также активно взаимодействует по историческим вопросам с общественностью; узкий подход подразумевает деятельность профессиональных «публичных историков» не для общественности, а вместе с ней: «предполагается, что в открытом рабочем диалоге профессионалов с находящейся за стенами научного учреждения общественностью стороны могут создавать новое и уточнять уже существующее знание о прошлом» [Там же, с. 144–145]. Как метко подметил Е. Исаев, подход И. Савельевой отказывает общественности в «возможности участия в процес-

сах верификации научного знания», тем самым указывая на то, что «с некоторыми оговорками может быть осмыслено как просветительская деятельность профессиональных историков» [Исаев, 2016, с. 10].

Как и многие западные коллеги, известный отечественный историк и методолог Л. П. Репина отмечает проблему коммуникации между исторической наукой, замкнутой в академическом и университетском пространстве, и обществом, общественным дискурсом [Репина, 2015]. Опираясь на статью И. Савельевой, она дает следующее определение сферы публичной истории: «комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни» [Там же, с. 63]. Из определения следует, что публичная история в данном случае – это удел историков-профессионалов, которые хотят наладить контакт с общественностью, делая историческое знание понятным для широкой аудитории.

Редакторы-составители сборника «Все в прошлом. Теория и практика публичной истории» А. Завадский и В. Дубина смотрят на поле деятельности публичной истории несколько иначе. Для них public history – это «не просто решение цеховых проблем исторической науки, но и множество существующих в медиасфере (в широком смысле) проектов, посвященных прошлому и заслуживающих самого пристального внимания» [Все в прошлом..., 2021, с. 12]. Делая упор на практику, редакторы сборника помещают в сферу публичной истории многообразие репрезентаций прошлого, существующих в публичном пространстве, показывая сходные позиции с широким подходом Д. Лиддингтон.

Таким образом, очевидно, что за полвека своего существования толкование публичной истории прошло несколько этапов, постепенно превращаясь из движения историков, выходящих «в народ», в «историю для публики, о публике и создаваемой публикой» [Cauvin, 2018, p. 17]. Подводя промежуточный итог дискуссии о сфере публичной истории, хочется указать на самое выверенное, обобщающее определение, которым и будем пользоваться в дальнейшем. Его автор Т. Каван указывает на изменение сферы публичной истории в 1990-е гг. Главной фигурой публичной истории становится все-таки публика, а не профессионал-историк, который вышел со своими знаниями и компетенциями в публичное пространство. Центральное положение публики в публичной истории дало огромный всплеск интереса со стороны неакадемической аудитории через фильмы, подкасты, видеоигры и прочие медиа, которые сегодня занимают намного больше места в дебатах о публичной истории, чем в 1970-е гг., у истоков дисциплины [Cauvin, 2018, p. 17].

Сам Каван определяет публичную историю через три ключевые практики: передача исторического знания обывателю, аудитории, не связанной с академией; публичное участие населения в создании исторических сюжетов; использование исторической методологии для рассмотрения политических и других сюжетов [Там же].

Таким образом, приняв за основу три положения, указанные Т. Каваном, можно сделать выводы о наличии или отсутствии публично-исторических практик в СССР при оценке историко-культурного активизма Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в позднесоветский период.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры как позднесоветское массовое добровольное общество

Появление Всероссийского общества охраны памятников было частью более широкого государственного тренда 1960-х гг. на популяризацию истории и культуры в СССР, которые должны были объединить старшие поколения участников Гражданской и Великой Отечественной войн и послевоенное поколение беби-бумеров [Мельникова, 2018, с. 21]. Этот тренд имел особое значение, так как к 1960-м гг. для молодого поколения революция и другие важные вехи советского прошлого стали далеким и забытым прошлым. Важную роль играли изучение, популяризация и возрождение памяти о революционных традициях и рождении Советского государства, однако не забывался и культурно-исторический пласт досоветского периода.

ВООПИК как общественная организация появилось по Постановлению Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 года № 882 (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–19). Новая массовая организация создавалась как добровольное общество под руководством Центрального совета, находящегося в Москве. Общий надзор за ней осуществляло Министерство культуры РСФСР.

Организацией региональных (областных, краевых, республиканских) отделений должны были заниматься региональные исполнительные власти (крайисполкомы, облисполкомы и т.д.). В дальнейшем в каждом регионе создавалось региональное отделение ВООПИК, под началом которого находились городские и районные отделения. В некоторых случаях в столицах регионов областные и городские отделения во многом дублировали друг друга (в том числе и по составу, и по месту фактического расположения). Так, члены ВООПИК Челябинской области просили Центральный совет упразднить эти городские управления во избежание ненужной бюрократии (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 46. Л. 4).

Каждое областное отделение включало несколько секций. Судя по всему, количество и название этих секций Центральным советом не регламентировалось. Так, функции историко-краеведческой секции в Пермском отделении (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 65) в Челябинске брали на себя секция по охране архитектурных, художественных и этнографических памятников и секция по охране историко-литературных и фольклорных памятников (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–43). Одну из ключевых ролей в отделениях играли молодежные секции, чьей задачей была пропаганда историко-культурного наследия среди молодежи (в основном среди школьников) при тесном сотрудничестве с ВЛКСМ.

С момента появления основными задачами ВООПИК становятся выявление, сохранение, реставрация памятников истории и культуры «для воспитания эстетического чувства патриотизма у народа» (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213. Л. 98–110).

Прежде всего активисты ВООПИК брали на себя работу по паспортизации (учету) памятников (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 49. Л. 7–18). При активном участии экспертов региональных отделений общества осуществлялось создание музеев под открытым небом, которые на рубеже 1960–1970-х гг., по мнению государства, должны были стать радикальной мерой для спасения памятников деревянного зодчества (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 70. Л. 35–43; ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213. Л. 160).

Так, например, создание архитектурно-этнографического музея (АЭМ) под открытым небом в д. Хохловка Пермской области (в 1970–1980-е гг.) происходило в том числе под эгидой Пермского отделения ВООПИК (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213. Л. 34–35). Первое десятилетие существования АЭМ значительная часть средств на его содержание и поддержку уходила из фондов ВООПИК (Беседа П. А. Неплюева с активистом ВООПИК..., 2022). Первые памятники истории и культуры этого музея под открытым небом (Богородицкая церковь, Соляная варница, крестьянские усадьбы) перевозились на территорию музея «Хохловка» и там реставрировались на деньги Центрального совета ВООПИК (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 299. Л. 8–9).

Пермскую область нельзя было назвать лидером по количеству дотаций, получаемых на реставрацию культурных объектов от Центрального совета ВООПИК. В 1985 г. она получила всего 50 тыс. руб. на реставрацию «Хохловки». Для сравнения: Архангельская область в том же году получила 254 тыс. руб., Владимирская – 514 тыс. руб., Вологодская – 433 тыс. руб. на те же цели (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 310. Л. 18–43). Всего за 20 лет существования «Хохловки» на создание музея, реставрацию, перевоз объектов деревянного зодчества и прочие затраты Центральный совет ВООПИК выделил около 1 млн руб. (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 514. Л. 4), что составляет примерно четверть из всех выделенных Пермской области средств на охрану памятников за двадцатилетнее существование общества (Там же. Л. 14).

К одним из основных видов деятельности региональных отделений ВООПИК относились пропаганда и сохранение историко-культурного наследия посредством лекций, бесед, выступлений в прессе, шествий, митингов у памятников и мемориалов, т.е. с помощью опубликования проблематики наследия, нуждающегося в охране и популяризации (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 38–52). Для чтения лекций при каждом региональном отделении создавались секции или бюро по пропаганде памятников истории и культуры, ответственные за поиск лекторов, организацию лекций или бесед, проверку и оценку содержания лекций (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 218. Л. 17–23; ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 46. Л. 3). Зачастую лекционная деятельность была тесно связана с обществом «Знание» (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 114. Л. 1–5), что свидетельствует о параллелизме функций этих структур.

Уже в первые годы существования ВООПИК (совпавшие с 50-летием Октябрьской революции, позже – с годовщиной создания ВЛКСМ, который принимал деятельное участие в ини-

циативах общества охраны памятников) устанавливались мемориалы и памятники участникам Гражданской и Великой Отечественной войн, проводились походы по местам боев и захоронений, восстанавливались объекты культурного наследия, чтобы установить преемственность советской власти. В работе с мемориалами и памятниками войн особую роль играли структуры Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы (смежные, а зачастую подчиненные ВООПИК) (Всесоюзный туристический поход..., 1966, с. 3). Всего за годы существования похода (с 1965 по 1987 гг.) по его маршрутам прошли около 60 млн человек, не говоря об активных участниках поисковых движений [Попов, 2010, с. 46]. Упор делался не только на военные подвиги военнослужащих, но и на вклад в победу советского тыла. Важную роль играли изучение, популяризация и возрождение памяти о революционных традициях и рождении Советского государства.

Формально как негосударственное добровольное массовое общество ВООПИК не имело государственного финансирования, и основной статьей доходов на протяжении всего его существования были членские взносы. Так, каждый вступающий в общество платил взнос в 15 коп. (школьники платили 10 коп.), годовые членские взносы составляли 30 коп. (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 58). Собственно, ключевым механизмом для развертывания активности ВООПИК по сохранению историко-культурного наследия было создание во всех городах и районах административных территорий районных организаций, а на всех промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, войсковых частях и учебных заведениях – первичных организаций (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 212. Л. 22–27). Это создавало основу финансовой стабильности ВООПИК, без индивидуальных и коллективных членских взносов его существование и деятельность были бы невозможны.

На протяжении всего существования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры каждый год Центральным советом спускались планы по сбору взносов и принятию новых членов (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–2; ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 46. Л. 35). В большинстве случаев больше половины членов региональных обществ составляли дети старшего возраста – от 14 до 18 лет (Там же. Л. 71). Изначально членами могли стать молодые люди только по достижении 16 лет, но с 1968 г. с изменением устава общества этот возраст понижился до 14 лет (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 213. Л. 98–110). Спускаемые сверху планы по членству могли не соответствовать реальности и превышать по показателям общее количество жителей какой-то территории. Так, например, председатель Златоустовского городского отделения ВООПИК в 1983 г. написал жалобу в Челябинское областное отделение на отправленный ему невыполнимый план по привлечению новых членов общества: при общем числе детей города в 21 000 человек план требовал набрать 55 000 (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 289. Л. 27). Центральный совет проводил своеобразные «соревнования» по сбору взносов и увеличению количества членов ВООПИК. Победители получали грамоты и денежные премии (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 46. Л. 47). На региональных, городских, районных совещаниях общества вопрос выполнения плана по сбору взносов и принятию новых членов всегда был одним из ключевых. Выполнение и перевыполнение плана поощрялось грамотами и премиями, невыполнение сулило порицание, выговор и даже лишение руководящих должностей в отделении (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 58–59). Стоит отметить, что основной приток средств происходил за счет коллективных членов (организаций), наполнение за счет индивидуальных членов оценивалось в 30–40 % плана (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 60. Л. 11; ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–2). В случае невыплаты взносов коллективными организациями региональной отделение общества могло обращаться в исполкомы на местах для давления на неплательщиков (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 72. Л. 12). Вопрос о том, почему в одних районах взносы собирались легко, а в других – со значительными трудностями, требует дальнейшего анализа. Можно предположить, что легче взносы собирались там, где на предприятиях была высока концентрация служащих различных категорий образованных групп населения (интеллигенции). Так, например, в Перми центральный Ленинский район города (самый маленький по численности с высокой концентрацией исполнительных органов власти, учреждений культуры и вузов) всегда выполнял и перевыполнял план по сбору членских взносов в ВООПИК. А худшие показатели демонстрировал рабочий Мотовилихинский район с высокой плотностью частного сектора, промзон и крупных промышленных предприятий (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 220. Л. 59).

Еще одним фактором успешного или неуспешного сбора взносов могла быть активность или пассивность секретарей отделений, на которых часто лежала основная организационная работа.

Собранные средства расходовались на строительство и реставрацию памятников, оплату выступлений лекторов, организацию ежегодных пленумов и конференций, издательскую деятельность, оплату штатным сотрудникам: председателям, заместителям, секретарям отделений и т.д. (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 218. Л. 44–45, 49; Беседа П. А. Неплюева с бывшим секретарем..., 2021). Суммы, собираемые, а затем выделяемые Центральным советом непосредственно на реставрацию, оказывали значительную помощь государству. Так, в 1985 г. ВООПИК давал почти одну пятую всех средств, затрачиваемых на реставрацию памятников в РСФСР: Министерство культуры РСФСР выделяло на эти цели 21 920 тыс. руб., а Центральный совет ВООПИК – 4 501 тыс. руб. (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 310. Л. 18–43).

Руководящие должности в обществе – председатели отделений, заместители председателя и секретари (на двух последних ложилась основная организационная работа), руководители секций – в большинстве случаев занимали на постоянной основе гуманитарии-профессионалы. Так, инициатором создания ВООПИК в Челябинске выступил кандидат исторических наук Е. М. Тяжелников, а бессменным руководителем Челябинского отделения с момента создания и до 1990-х гг. оставался доктор филологических наук, фольклорист А. И. Лазарев. В Перми отделения ВООПИК появилось во многом благодаря директору Пермского областного музея Л. Г. Дворсон, которая и стала его первым председателем. В дальнейшем должность председателя Пермского отделения занимал В. А. Оборин – доктор исторических наук, археолог. В разные годы руководителями городских и областных отделений, а также секций были преподаватели университетов, сотрудники архивов, музеев, архитекторы.

Говоря о степени зависимости региональных отделений от центра, необходимо отметить, что она была высока, особенно в сфере финансовых отношений. Помимо уже упоминавшихся планов по сбору взносов и принятию новых членов, спускаемых сверху, многие аспекты деятельности региональных отделений регламентировались Центральным советом посредством письменных распоряжений. Среди них общие рекомендации по созданию туристических маршрутов, создание дополнительных ставок, необходимость высылать копии всех печатных изданий, выпускаемых региональными отделениями, стажировки, покупка необходимого оборудования (даже на имеющиеся в бюджете отделения средства), запросы на отсутствующие строительные материалы, а также бумагу для издания обществом книг и брошюр (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 8, 12, 13, 49, 51).

Как и для многих других массовых добровольных обществ позднесоветского периода, для ВООПИК были характерны «контроль со стороны государства и партии, индоктринация идеологии, внешняя атрибутика, система ритуалов, бюрократическая структура» [Матвеев, 2018, с. 86]. В историографии до сих пор остается популярным представление о тотальной бюрократизации региональных отделений добровольных обществ в СССР. Если центральные органы этих обществ имели некоторую независимость за счет влиятельных членов (о чем, например, пишет Николай Митрохин) [Митрохин, 2003, с. 315–320], то региональные отделения были целиком и полностью подчинены центральным советам обществ, региональным и центральным властям. Впрочем, это не исключало вклада обычных членов этих организаций в форму и деятельность таких организаций. Массовые организации становились местом, где сталкивались и взаимодействовали интересы государства, бюрократии и представителей советского общества. В пространствах таких организаций «граждане обменивали свою лояльность на относительную автономию сферы реализации своих интересов» [Матвеев, 2018, с. 86].

ВООПИК, будучи массовой добровольной организацией, «был гибридной средой – местом пересечения интересов власти и общества» [Там же]. Немалую роль сыграли и существовавшие в СССР традиции историко-культурного активизма. Зачастую такая форма активизма тесно связана с формированием локальной идентичности через изучение истории своего города, района, области (края), и потому традиции историко-культурного активизма тесно связаны с краеведческим движением 1920–1930-х гг., корни которого уходят в дореволюционный период [Johnson, 2006, р. 3–8]. Это в первую очередь поле, участники которого идентифицируют себя с изучаемым предметом, рассказывая историю себя и связанного с собой места. Такие исследования зачастую ведут к борьбе за свои социальные и политические права, к исправлению оши-

бок прошлого, защите от официального дискурса и т.д. Это часто объединяет краеведческие изыскания с активизмом [Неплюев, 2020, с. 39].

Несмотря на ряд антикраеведческих кампаний 1930-х гг., проводившихся против автономности краеведческих кружков и организаций [Козлов, 2013, с. 53–83; Донован, 2012, с. 380–383], уже в 1950-е гг. начало происходить возрождение историко-культурного активистского движения. Так, в 1959 г. Д. Гранин со страниц «Известий» размышлял о необходимости возрождения дореволюционной символики республик, областей, городов через памятники, мемориалы, геральдику. Гранин, отсылая к примерам первых советских лет, напоминал о важной роли монументальной пропаганды в создании уникального облика регионов СССР. Особое значение он придавал изучению местной истории и участию жителей в создании исторических и культурных памятников, для чего требовалась инициатива местных Советов (Гранин, 1959). На рубеже 1950–1960-х гг. в этот процесс включались многие историки, культурологи, публицисты и партийные деятели (Н. Н. Воронин, Д. С. Лихачев, В. А. Солоухин, В. И. Кочемасов и др.), говорившие о необходимости сохранения памяти и культурного наследия, тем самым вводя в публичную плоскость запрос советских граждан на изучение истории «снизу» (Воронин, 1960; Лихачев, 1961; Кочемасов, 1965; Солоухин, 1967).

В статье о «русском возрождении “снизу”» в позднесоветский период (по материалам Новгорода, Пскова, Вологды) В. Донован приходит к выводу, что процесс возвращения краеведческого интереса после 1950-х гг. происходил во многом благодаря усилиям людей, искренне верящих в социалистическое строительство на благо всего СССР [Донован, 2012, с. 400].

В статье, посвященной пермским пенсионерам-активистам 1950–1960-х гг., М. Ромашова и А. Клоц отмечают, что для некоторых людей активизм в СССР был не только трансляцией нормативных текстов о коммунистической морали или защите государственных и общественных интересов, но и самим воплощением партисипаторного видения коммунизма. Вместе с рядом других исследователей А. Клоц и М. Ромашова ставят под сомнение идею об усилении социального контроля в постсталинские времена через увеличение количества публичных организаций. По их мнению, такие организации, наполненные активистами, – это точка трения между внешней, государственной мобилизацией и зачатками публичной инициативы. Основные задачи подобных организаций во многом определялись государством, которое надеялось через них увеличить продуктивность, следить за сектором обслуживания или заменять некоторые его самые неразвитые элементы. Однако часто в результате создания таких организаций или наделяния их некоторыми полномочиями само государство давало активистам субъектность. Таким образом, мобилизационные кампании 1950–1960-х гг., часто ненамеренно, создавали некоторые сферы, которые группы советских граждан могли считать своими собственными [Klots, Romashova, 2016, p. 573–597]. Представляется, что эти выводы применимы не только тогда, когда речь заходит о женсоветах, народных судах, дружинниках, но и тогда, когда говорится о массовых организациях, связанных с историко-культурным активизмом (краеведческих организациях, ВООПИК, поисковых движениях).

Во всяком случае отношения региональных отделений ВООПИК с местными исполнительными властями представляли собой сложную систему взаимодействий, которую не стоит описывать исключительно дихотомией «начальник – подчиненный», даже несмотря на общий надзор за обществом со стороны Министерства культуры РСФСР и, следовательно, отделами культуры при региональных исполкомах. Государство в данном случае делегировало Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры функции по надзору и охране историко-культурного наследия, которые само не могло выполнять (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3). ВООПИК не мог самостоятельно заниматься реставрацией и возведением памятников, делая это только с разрешения обкомов партии и/или более высоких инстанций. Тем не менее данное общество обладало степенью свободы и даже контроля в вопросах учета и экспертной оценки памятников истории и культуры, а также в области пропаганды культурного наследия (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 46. Л. 7, 67–69, 74–77; Д. 57. Л. 27–28; ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 212. Л. 10–17, 22–27). Часто за пропагандистскими формулировками скрывались стремления членов общества исполнить свои амбиции и чаяния по защите регионального исторического наследия. Региональные отделения ВООПИК занимались сбором средств у населения и организаций, которые пускались непосредственно на охрану памятников истории и культуры, снижая

нагрузку на государственный бюджет. К другим обязанностям общества зачастую относились поиски подрядчика для возведения/реставрации памятников, составление всей необходимой документации (смет), а также финансирование работ (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 222. Л. 4; Д. 321. Л. 27; ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 230. Л. 10–11).

Статус добровольной организации накладывал на ВООПИК ряд ограничений, которые в том числе мешали основной работе региональных отделений. Например, несмотря на разъясняющее письмо Госстроя РСФСР от 10 ноября 1966 г. о привлечении региональных отделений общества в обсуждение и согласование любой архитектурной, реставрационной или строительной деятельности (ОГАЧО. Ф. Р1845. Оп. 1. Д. 163. Л. 4), зачастую рекомендации и указания ВООПИК могли быть проигнорированы. Учреждения, занимающие памятники архитектуры, отказывались выполнять рекомендации о необходимости реставрации зданий (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 230. Л. 42–43, 45, 47, 74, 92–93), нарушали целостность архитектурных и археологических памятников при строительстве (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 379. Л. 40–41). Сами исполкомы региональных властей зачастую не понимали специфику деятельности ВООПИК, не разрешая реставрацию памятников, что приводило в том числе к тому, что собранные на охрану памятников средства могли быть не истрачены (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 24. Л. 30–32). Все это заставляло активистов ВООПИК просить разъяснить собственные полномочия и закрепить за добровольными организациями права и обязанности отделений общества, а также прописать формы и методы работы общественных организаций в деле охраны памятников в законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 114. Л. 7–8). Чаще всего такие прошения не получали ответа. В дальнейшем с наступлением перестройки ВООПИК столкнулось с нехваткой кадров и взносов, что в еще большей степени ограничило его охранную деятельность (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 469. Л. 25).

Письма в ВООПИК: феномен «грассрутного» активизма

Интересным и малоизученным направлением являются письма советских граждан, стремящихся, опираясь на свои воспоминания о событиях первой половины XX в., исправлять ошибки советской истории. Письма в архивах ВООПИК об ошибках в фамилиях на мемориалах, неверном описании событий Гражданской и Великой Отечественной войн в краеведческой литературе и прочих сюжетах указывают на наличие отклика советских граждан на идеи сохранения личной и семейной памяти в советском государстве. Подобные письма граждан, не связанных с официальными советскими органами (но всецело поддерживающих советских строй), могут помочь поставить под сомнение устоявшуюся в историографии дихотомию «официальная советская история – неофициальная несоветская/антисоветская история».

Проблема «писем во власть» как источника по изучению взаимодействия между советскими гражданами и органами власти достаточно полно представлена как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Письма, направленные в различные властные структуры и СМИ, существовали на протяжении всех десятилетий советского государства. Они затрагивали самые различные аспекты советского быта, законодательства, научной и культурной жизни, экологии. Были и письма, связанные с сохранением историко-культурного наследия, особенно в первое десятилетие после создания СССР. Однако «письма во власть» как источник для исследования историко-культурного активизма по-прежнему остаются перспективной темой, особенно при изучении позднесоветского периода, когда пропаганда историко-культурного наследия стала по-настоящему массовой.

В фондах ВООПИК в архивах ОГАЧО и ПермГАСПИ были обнаружены «письма во власть», которые можно разделить на три группы.

Во-первых, это группа писем, связанных с прошением (или требованием) об установке памятных досок или памятников там, где их пока нет. Например, 26 января 1980 г. Дмитрий Андреевич Агарков, 1901 г. рождения, ветеран Гражданской и Отечественной войн закончил свое письмо в Центральный совет ВООПИК о необходимости повесить таблички на братские могилы Гражданской войны на территории Оренбургской области следующими словами: *«Мне не было предоставлено слова, хотя конференция продолжалась с 10 до 14 часов, то есть всего шесть часов. Могилы братские пока в основном все безымянные, правда это возложено на местные советские органы, а не на общественные организации.»*

Надеюсь Центральный Совет войдет с ходатайством перед Советом Министров РСФСР по данному вопросу» (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 93. Л. 136–138).

Д. А. Агарков был в числе тысяч активистов, которые требовали соблюдения «исторической справедливости» и установления мемориалов на территории СССР.

Еще одной группой писем становится забота активистов о существующих памятниках историко-культурного наследия (часто – дореволюционного). Из писем видно, что зачастую активисты не ограничивали свою деятельность исключительно периодом советской истории и активно участвовали в процессе сохранения памятников досоветского периода как части регионального наследия. К этой группе, например, часто относятся прошения на реставрацию церквей (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 321. Л. 27; Д. 189. Л. 54–57, 63, 64; ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 240. Л. 8, 22, 34; Д. 336. Л. 7–9).

Последняя и самая интересная для изучения, на наш взгляд, группа писем – это обращения, указывающие на фактологические ошибки при создании тех или иных памятников (ПермГАСПИ. Ф. 3688. Оп. 1. Д. 215. Л. 1, 2, 6, 22–26, 28; Д. 424. Л. 1–3). В них чаще всего встречаются продуманная аргументация, апелляции к воспоминаниям свидетелей, историческим исследованиям и архивным документам. К этой группе, например, можно отнести публичную дискуссию о цвете паровоза «Красный коммунар» – объекта культурного наследия регионального значения, который сейчас стоит в центре Челябинска (ОГАЧО. Ф. П4. Оп. 1. Д. 189. Л. 38–38 об., 41–49).

Паровоз был выведен из строя в самом начале Гражданской войны, но позже, зимой 1920 г., был отремонтирован рабочими паровозного депо Челябинска в свободное от работы время. В мае 1920 г. паровоз доставил в Москву эшелон с зерном, а его машинисты, а также делегаты из Челябинска предположительно 8 мая встречались в Кремле с В. И. Лениным. Много позже, на рубеже 1950–1960-х гг., по инициативе местных железнодорожников и краеведов, давно списанный паровоз был найден на Дальнем Востоке и доставлен в Челябинск, где его установили на его нынешнее место, в городском саду Пушкина, рядом с Дворцом железнодорожников. В конце 1970-х гг. паровоз был перекрашен в красный цвет, что вызвало недовольство некоторых железнодорожников и краеведов. Если верить документам ОГАЧО, то перекраска паровоза произошла после публикации исследования краеведа П. С. Шубина, в котором он утверждал, что в 1920 г. после ремонта паровоз был перекрашен в красный цвет. На основе этого исследования горисполком и совершил перекраску. Впоследствии, в 1980 г., в письме в газету «Челябинский рабочий» почетный железнодорожник Почукаев писал следующее: *«Я хочу, чтобы соответствующие организации, в частности отдел по охране памятников, разобрались с исследованиями Шубина и восстановили памятник в том виде, в каком он был»*, – и приводит свои доводы. Далее следовал обмен аргументами, которые в том числе публиковались в местных газетах. Авторитетами с обеих сторон выступали ветераны-железнодорожники, работавшие в 1920–1921 гг. в Челябинске.

В дискуссии приняли участие члены челябинского ВООПИК, которые констатировали, что перекраска состоялась на основании газетной статьи, написанной перед отправлением паровоза в Москву, и свидетельств очевидцев, а также обещали провести дальнейшие изыскания об изначальном виде паровоза. Результаты этих изысканий мне найти не удалось, но паровоз остается красным.

Во всех группах писем наблюдается достаточно четкая структура, включающая в себя обоснование проблемы во вводной части, доказательство своей позиции с опорой на исторические источники (воспоминания очевидцев, архивные документы, газеты и проч.). Практически в каждом письме во вводной части или в подписи имеется апелляция к ветеранскому прошлому, обозначающая авторитетный статус автора как свидетеля событий (ветеран партии, ветеран войн, ветеран труда и др.). Это выражается в указании года рождения, своих заслуг перед партией, описанием, например, событий Гражданской войны, в которых участвовал автор. В заключении непременно встречается указание на необходимость действия соответствующих органов для исправления ошибок.

Каким же образом описанные выше проявления активности участников Гражданской войны могут помочь понять феномен историко-культурного активизма в СССР? В позднесоветский период многие активисты занимались сохранением историко-культурного наследия, в

чем, очевидно, находили воплощение своего долга перед советским строем. Для них исследование своего опыта, истории района, города, края – это своеобразное участие в процессе формирования советского государства. Зачастую видение отдельных активистов могло не совпадать с официальным историческим нарративом в газетах, журналах, на страницах книг. Они в поисках «исторической правды», свидетелями которой себя считали, скрупулезно выискивали фактологические ошибки как в государственном нарративе, так и в трудах краеведов, поскольку процесс социалистического строительства мог происходить только с помощью «исторической правды». Однако даже в случае нахождения ошибок в государственном нарративе они не теряли веру в советское государство. Об этом говорит в первую очередь то, что сами письма, написанные в СМИ, государственные и добровольные организации являются признанием авторитета этих структур. Перед нами предстает историко-культурный активизм в публичном пространстве, направленный как на сохранение истории места, так и на сохранение советского государства, которое, по мнению многих активистов, состоит из региональных историй.

Заключение

Все три ключевые практики, указанные в качестве признаков публичной истории Т. Каваном, прослеживаются в деятельности ВООПИК и смежных с ним организаций: передача исторического знания обывателю, аудитории, не связанной с академией; публичное участие населения в создании и изучении исторических сюжетов; использование исторической методологии для рассмотрения современных политических и других сюжетов.

Историческое знание в позднесоветский период массово передавалось населению через лекции, публичные экскурсии, создание новых музеев по сохранению исторического наследия. Историки-профессионалы (ученые, сотрудники музеев и архивов, археологи) зачастую занимали ведущие должности в региональных отделениях ВООПИК (председатели отделений, руководители секций), направляя деятельность организации. С другой стороны, население по-настоящему массово принимало участие в создании исторических сюжетов: многочисленные активисты ВООПИК, требующие сохранения памятников культуры, поисковые отряды, работающие в условиях полного непонимания своей деятельности бюрократической верхушкой и многие другие.

На плечи активистов ВООПИК (краеведов, участников поисковых движений, неравнодушных граждан) ложилась реальная работа по изучению своего прошлого, в том числе создания советской идентичности, которая зачастую способствовала изучению локальной истории края. Например, поисковое движение, регулярно сотрудничающее с ВООПИК, самостоятельно работало в архивах для поиска и увековечивания памяти участников войн. Чаще всего это была лишняя центра работа, зачастую держащаяся на энтузиазме отдельных своих руководителей. Тем не менее существование ВООПИК давало историко-культурным активистам возможность проявлять свою субъектность в сфере охраны памятников и исторического наследия, на которую у государства не хватало ресурсов. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры и другие историко-культурные инициативы в СССР позволяли активистам, носителям глубинного исторического знания не только собирать и хранить его, но также на благо советского государства передавать молодым поколениям. Само участие в структурах ВООПИК позволяло советским гражданам строить идеальное партисипаторное коммунистическое общество, одновременно с этим реализуя собственные цели по сохранению локальной истории и идентичности, которые лишь на время были заглушены в 1930-е гг. Возможно, именно это стало причиной настоящей вовлеченности и заинтересованности широких слоев советского общества в сохранение историко-культурного наследия. Массовое участие советских граждан в возвращении геральдики в СССР [Манжурина, 2015, с. 116–122], вовлеченность в сохранение объектов истории культуры, исторические споры вокруг дат основания советских городов [Софьин, 2014] лишь подчеркивают интерес к исторической проблематике «снизу». Таким образом, само наличие низовых инициатив активистов ВООПИК и советских граждан позволяет говорить если не о наличии публичного исторического поля в СССР, то о смежности историко-культурного активизма в позднем СССР и западных публично-исторических практик.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-49-590004.

Список источников

- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П4. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–19, 40–43; Д. 3. Л. 1–3; Д. 22. Л. 2, 8, 12, 13, 49, 51; Д. 24. Л. 30–32; Д. 46. Л. 3, 4, 7, 35, 47, 67–69, 71, 74–77; Д. 49. Л. 7–18; Д. 57. Л. 27–28; Д. 60. Л. 11; Д. 70. Л. 35–43; Д. 72. Л. 12; Д. 93. Л. 136–138; Д. 114. Л. 1–5, 7, 8; Д. 189. Л. 38, 38 об., 41–49, 54–57, 63, 64; Д. 222. Л. 4; Д. 289. Л. 27; Д. 321. Л. 27; Д. 379. Л. 40–41; Д. 469. Л. 25; Ф. Р1845. Оп. 1. Д. 163. Л. 4.
- Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 3688. Оп. 1. Д. 212. Л. 10–17, 22–27; Д. 213. Л. 34–35, 98–110, 160; Д. 215. Л. 1, 2, 6, 22–26, 28; Д. 218. Л. 17–23, 44, 45, 49; Д. 219. Л. 1–2; Д. 220. Л. 38–52, 58, 59, 65; Д. 222. Л. 1–2; Д. 230. Л. 10–11, 42–43, 45, 47, 74, 92, 93; Д. 240. Л. 8, 22, 34; Д. 299. Л. 8–9; Д. 310. Л. 18–43; Д. 336. Л. 7–9; Д. 424. Л. 1–3; Д. 514. Л. 4, 14.
- Беседа П.А. Неплюева с бывшим секретарем Челябинского отделения ВООПИК И.Н.: текст стенограммы беседы. 2021. 30 июня // Частное собрание П.А. Неплюева. Публикуется с согласия респондента.
- Беседа П.А. Неплюева с активистом ВООПИК Пермской области и Пермского края Л.П.: текст стенограммы беседы. 2022. 29 января // Частное собрание П.А. Неплюева. Публикуется с согласия респондента.
- Всесоюзный туристический поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. М.: Молодая гвардия, 1966. 24 с.
- Воронин Н.Н.* Любите и сохраняйте памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1966. 48 с.
- Гранин Д.* Пусть у города будет герб // Известия. 1959. 17 ноября.
- Кочемасов В.И.* Памятники Отечества // Звезда. 1965. 30 ноября.
- Лихачев Д.С.* Памятники культуры – народное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.
- Солоухин В.В.* Письма из Русского музея [Электронный ресурс]. М.: Советская Россия, 1967. URL: <http://gosudarstvo.voskres.ru/solouhin/letters.htm> (дата обращения: 25.01.2022).

Библиографический список

- Акерманн Ф., Акерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю.* Прикладная история, или публичное измерение прошлого [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (дата обращения: 14.02.2022).
- Гру де Д.* Сопереживание и участие. Популярная история [Электронный ресурс] // Гефтер. 2012. URL: <http://gefter.ru/archive/6239> (дата обращения: 13.02.2020).
- Донован В.* «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379–402.
- Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.
- Исаев Е.М.* Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 2 (33). С. 7–13.
- Козлов В.Ф.* «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936 гг.) // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 53–83.
- Линдквист С.* Уничтожьте всех дикарей. М.: Европейские издания, 2007. 113 с.
- Манжурич Е.А.* Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 1 (30). С. 116–122.
- Матвеев Е.В.* Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 85–98.

- Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. № 19. С. 19–53.
- Митрохин Н. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
- Неплюев П.А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
- Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 43–48.
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2015. № 3, кн. 157. С. 55–67.
- Савельева И.М. Профессиональные историки в «Публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.
- Софьин Д.М. Страсти по юбилею [Электронный ресурс] // МК.ru. 2014. 17 декабря. URL: <https://perm.mk.ru/articles/2014/12/17/strasti-po-yubileyu.html> (дата обращения: 04.02.2022).
- Sauvin T. The Rise of Public History: An International Perspective // *Historia Critica*. 2018. No. 68. P. 3–26.
- Conard R. Benjamin Shambaugh and the Intellectual Foundations of Public History. University of Iowa Press, 2013. 264 p.
- Grele R. Whose Public? Whose History? What is the Goal of a Public Historian // *The Public Historian*. 1981. Vol. 3, no. 1. P. 40–48.
- Handbook of Digital Public History / eds. by S. Noiret, M. Tebeau, G. Zaagsma. Oldenburg: De Gruyter, 2022. 553 p.
- Johnson E.D. How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2006. 303 p.
- Jordanova L. History in Practice. London: Bloomsbury Academic, 2000. 368 p.
- Kelley R. Public History: It's Origins, Nature, and Prospects // *The Public Historian*. 1978. Vol. 1. P. 16–28.
- Klots A., Romashova M. Lenin's Cohorts: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17, no. 1. P. 573–597.
- Liddington J. What is Public History? Publics and their Pasts, Meanings and Practices // *Oral History*. 2002. Vol. 30. P. 83–93.
- The Oxford Handbook of Public History / eds. by J.B. Gardner, P. Hamilton. Oxford University Press, 2017. 568 p.
- Wheeler R. Local History as Productive Nostalgia? Change, continuity and sense of place in rural England // *Social & Cultural Geography*. 2017. Vol. 18, is. 4. P. 466–486.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.07.2022

PUBLIC HISTORY “IN A SOVIET WAY”. REGIONAL BRANCHES OF THE ALL-RUSSIAN SOCIETY FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS: “BUREAUCRATIC RULES OF THE GAME” AND HISTORICAL AND CULTURAL ACTIVISM

P. A. Nepliyev

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
Perm Regional Museum, Monastyrskaya str, 11, 614000, Perm, Russia
Peter.nepliyeff@yandex.ru

The idea of searching for a local identity through the study of the culture and history of a place acquired a special scope in the 1960s and 1970s in many countries of the world. During this period, the emergence of public history, local history, microhistory, and oral history has radically changed academic history. The Soviet Union did not stand aside. Here, the traditions of historical and cultural activism were closely tied with the local lore

movement (or *kraevedenie*), rooted in the pre-revolutionary period. To some extent, the traditions of local lore movement in the Soviet Union developed in parallel with public history. Local lore initiatives were restored after their temporary suppression in Stalin's time, movements were created to preserve historical and cultural monuments. Many noted scientists, culturologists, publicists and even Communist Party officials were speaking about traditions and preservation of regional culture. In the 1960s – 1980s, millions of Soviet citizens were included in the activities of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture (Vserossiyskoe Obshchestvo Ohrany Pamyatnikov Istorii i Kul'tury, or VOPIK) and search movements for the study and preservation of places of revolutionary, military and labor glory. This research analyzes their activities, on the basis of archival documents of VOPIK, as well as memoirs, official reports and oral interviews of movement activists. Moreover, the question is raised about the possibility of inscribing public history in a longer and larger context. The author analyzes the “letters to the government” from ordinary Soviet citizens as an example of historical and cultural activism. A study of the use of public spaces in Soviet Russia could help us join the broad discussion about Soviet Union and its relation to the world. Was it really a unique, isolated project, unlike the rest of the world community, or a part of this community with similar processes and cultural code?

Key words: VOPIK, historical and cultural activism, Public History, Soviet voluntary societies, letters to the authorities.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the RFBR and the Perm Territory within the framework of the scientific project № 20-49-590004.

References

- Akermann, F., Akermann, Ya., Littke, A., Nisser, Zh. & Yu. Tomann (2012), *Prikladnaya istoriya, ili publichnoe izmerenie proshlogo* [Applied history or public dimension of the past], available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html> (accessed 14.02.2022).
- Cauvin, T. (2018), “The Rise of Public History: An International Perspective”, *Historia Critica*, № 68, pp. 3–26.
- Conard, R. (2013), *Benjamin Shambaugh and the Intellectual Foundations of Public History*, University of Iowa Press, Iowa City, USA, 264 p.
- Donovan, V. (2012), “Idya nazad, shagaem vpered”: Kraevedcheskie museums and the making of local memory in North West Russia, 1956–1981”, *Antropologicheskii forum*, № 16, pp. 379–402.
- Gardner, J.B. & P. Hamilton (eds.) (2017), *The Oxford Handbook of Public History*, Oxford University Press, Oxford, UK, 568 p.
- Grele, R. (1981), “Whose Public? Whose History? What is the Goal of a Public Historian”, *The Public Historian*, vol. 3, № 1, pp. 40–48.
- Gru de, D. (2012), *Soperezhivanie i uchastie. Populyarnye istorii* [Empathy and involvement. Popular stories], available at: <http://gefter.ru/archive/6239> (accessed 13.02.2020).
- Isaev, E.M. (2016), “Public History in Russia: academic and educational context of the formation of a new interdisciplinary field”, *Vestnik Perm. un-ta. Istoriya*, № 2 (33), pp. 7–13.
- Johnson, E.D. (2006), *How St. Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie*, Pennsylvania State University Press, USA, 303 p.
- Jordanova, L. (2000), *History in Practice*, Bloomsbury Academic, London, UK, 368 p.
- Kelley, R. (1978), “Public History: It’s Origins, Nature, and Prospects”, *The Public Historian*, vol. 1, pp. 16–28.
- Klots, A. & M. Romashova (2016), “Lenin’s Cohorts: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 17, № 1, pp. 573–597.
- Kozlov, V.F. (2013), “Governmentalizing” local history. History and lessons. (The pages of the magazine “Soviet Kraevedenie”. 1930–1936)”, *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, № 9 (110), pp. 53–83.
- Liddington, J. (2002), “What is Public History? Publics and their Pasts, Meanings and Practices”, *Oral History*, vol. 30, pp. 83–93.
- Lindkvist, S. (2007), *Unichtozh'te vsekh dikarey* [Exterminate all the brutes], Evropeyskie izdaniya, Moscow, Russia, 113 p.
- Manzhurin, E.A. (2015), “Imagined continuity: Pre-Soviet heraldic heritage in the Soviet city symbols (1953–1991)”, *Vestnik Perm. un-ta. Istoriya*, №1 (30), pp. 116–122.
- Matveev, E.V. (2018), “All-Union society of book lovers as the late Soviet mass organization in the 1970s – 1980s”, *Magistra Vitae*, № 1, pp. 85–98.
- Mel'nikova, E.A. (2018), “By the people’s hands: the sledopyt movement in the USSR of the 1960s – 1980s”, *Antropologicheskii forum*, № 19, pp. 19–53.

- Mitrokhin, N. (2003), *Russkaya partiya: dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR. 1953–1985 gg.* [Russian party: movement of Russian nationalists in the USSR. 1953–1985], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 624 p.
- Neplyuev, P.A. (2020), “If a man is indifferent to the historical monuments of his country, then he is indifferent to his country”: a historiographic review of historical and cultural activism in Late-Soviet period”, *Kul'turnyy kod*, № 3, pp. 38–49.
- Noiret, S., Tebeau, M, & G. Zaagsma (eds.) (2022), *Handbook of Digital Public History*, De Gruyter, Oldenburg, Germany, 553 p.
- Popov, A.D. (2010), “Memory of the Great Patriotic War in the ideological paradigm of Soviet tourism”, *Sovremennye problemy servisa i turizma*, № 3, pp. 43–48.
- Repina, L.P. (2015), “Science and society: Public History in the context of the historical culture of the globalization age”, *Uchenye zapiski Kazan. un-ta. Gumanitarnye nauki*, № 3, vol. 157, pp. 55–67.
- Savel'eva, I.M. (2014), “Professional historians in “Public History””, *Novaya i noveyshaya istoriya*, № 3, pp. 141–155.
- Sofin, D.M. (2014), *Strasti po yubileyu* [Anniversary fervour], available at: <https://perm.mk.ru/articles/2014/12/17/strasti-po-yubileyu.html> (accessed 04.02.2022).
- Wheeler, R. (2017), “Local history as productive nostalgia? Change, continuity and sense of place in rural England”, *Social & Cultural Geography*, vol. 18, № 4, pp. 466–486.
- Zavadskiy, A. & V. Dubina (2021), “Introduction”, in Zavadskiy, A. & V. Dubina (eds.), *Vse v proshlom: teoriya i praktika publichnoy istorii* [All in the past: Theory and Practice of Public History], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 9–19.